

Тимур Лукьянов

Кровь и песок

рассказы из цикла

Хроники Святой Земли

Тимур Лукьянов

Кровь и песок (сборник)

«Нордмедиздат»

2012

Лукьянов Т. Л.

Кровь и песок (сборник) / Т. Л. Лукьянов — «Нордмедиздат», 2012

ISBN 978-5-457-19650-6

Приключенческие рассказы о королевстве Латинском на Святой Земле повествуют о кровавых временах противостояния Запада и Востока, наступивших после завоевания крестоносцами Иерусалима в 1099 г. и продлившихся почти 200 лет, до 1291 г., когда пал последний крестоносный город Сен-Жан-де-Акр или Акра (ныне город Акко в Израиле). Доблестные рыцари, юные королевы, коварные политики, кровожадные ассасины и многие другие исторические образы предстают перед читателем на страницах книги.

ISBN 978-5-457-19650-6

© Лукьянов Т. Л., 2012

© Нордмедиздат, 2012

Содержание

Архиепископ и смерть короля	5
Предательство тамплиера	7
Казнь изменника	11
Убийство в замке	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Тимур Лукьянов

Кровь и песок

Рассказы из цикла «Латинские хроники Святой Земли»

Архиепископ и смерть короля

Когда архиепископу сообщили о смерти короля, он крестил местных сарацинских крестьян в воде Иордана. Его мечта воплотилась в жизнь. Еще будучи послушником, он мечтал в далеком монастыре на земле родной Франции о том, чтобы крестить неверных в Иордане, как некогда это делал Иоанн Креститель.

Осеннее утро было хмурое, воды этой неширокой, мелкой, но самой священной для христиан реки отражали свинцовый цвет неба. Многие бесстрашно входили в воду и самостоятельно окунались в нее, но вера некоторых была еще не столь крепка, и когда священник пытался их окунать с головой в Купельную Заводь, они по недомыслию иногда сопротивлялись. Стоя по колено в воде, архиепископ взял очередного обнаженного сарацина за шею, наклонил его и окунул головой в воду.

– Будь смелее, – сказал священник, надевая на шею сарацину маленький медный крестик на бечевке. – Во имя Отца и Сына и Святого Духа, нарекаю тебя Михаилом. А теперь открой рот и вкуси плоть Христову и выпей кровь Его. – Служка подал все необходимое, и архиепископ, положив в рот новоиспеченному брату во Христе крошечную просвирку, дал запить ее кагором и принялся за крещение следующего неопита.

– Иисус, Сын Божий, страдавший за нас на кресте, – молился священник, – позволь детям твоим заблудшим прийти под твою защиту. Благослови их и прости им их прегрешения.

В этот момент Архиепископ заметил, что к его пастве на берегу присоединились четыре всадника.

Архиепископ узнал барона Симона Наблусского – старого рыцаря с черными глазами и злым лицом, слово которого являлось законом в этой части Святой Земли. С ним был его сын, Стефан и еще два каких-то рыцаря. Молящиеся на берегу поднялись с колен.

Поддерживаемый служками, архиепископ вышел на берег. На его плечи накинули плащ, Архиепископ сунул босые мокрые ноги в деревянные сандалии, взял свой посох и выпятил бороду. Его паства встала возле него полукругом. Священник делал вид, что не замечает рыцарей. Ему хотелось скорее завершить церемонию и обсушиться в домике при местной часовне, стоящей шагах в пятидесяти ниже по течению Иордана.

– Теперь вы принадлежите к христианам, – сказал пастве Архиепископ. И новообращенные сарацины стали дружески приветствовать друг друга, похлопывать по плечам и целовать. Священник поздравил их и только затем обратился к всадникам, наблюдавшим за церемонией не слезая со своих рослых коней.

– Вы явились, чтобы повторно окреститься, милорды?

Симон Наблусский сплюнул.

– Я был крещен еще младенцем, – ответил он, – а мой сын – в день именин.

Архиепископ смотрел недоверчиво. Он не сомневался в том, что Стефан сделался христианином вскоре после рождения. Но ему было известно и то, как это происходило: быстрое окропление ножек, ручек и лба младенца.

Неудивительно, что потом вырастают такие нехристи, которые и в церковь никогда не ходят...

– Зачем же вы явились, если не собирались креститься в Иордане?

– Посыльный из Иерусалима разыскивал вас, чтобы сообщить важную новость. – Симон указал на одного из рыцарей, облаченного в синий плащ, расшитый золотыми иерусалимскими крестами.

– Я должен немедленно сопроводить вас ко двору, – с высоты своего седла провозгласил молодой рыцарь.

Архиепископ терпеть не мог, когда ему указывали как какому-то простолюдину. Он готов был вспылить, но барон опередил его.

– Новость предназначена только для ваших ушей, ваше святейшество, – сказал Симон, – и это совсем не то, чем я хотел бы сейчас поделиться с другими людьми, особенно с сарацинами, пусть даже трижды крещенными. Но архиепископ любил всегда настоять на своем, а потому громко сказал:

– Эти люди – мои братья во Христе, они такие же христиане, как вы и я. У меня нет от них секретов, как и от Господа Нашего.

Всадники переглянулись.

– Скажи ему, – согласился Симон, и рыцарь в плаще собрался с духом.

– Наш король Фульк умер, – прозвучала короткая фраза, но при звуке этих слов, казалось, вздрогнуло само небо. Король мертв. Как такое возможно? Архиепископ видел Фулька в Иерусалиме меньше недели назад. Больным король не выглядел, напротив, он был здоров и полон сил. Архиепископ сказал гонцу:

– Расскажи, как же пришла к нему смерть?

– Его Величество скакал на лошади, упал и разбился насмерть о камни.

– Какая нелепая гибель! – Воскликнул архиепископ.

Так в 1143 году христиане Леванта потеряли Фулька Анжуйского одного из самых деятельных монархов за всю историю королевства. Храбрый воин, прошедший невредимым через многие битвы, сломал шею, упав с собственного коня.

Предательство тамплиера

День был душным, солнце нещадно жгло, воздух раскалился, и кони не хотели идти дальше.

– Все круги ада! – Храмовник рванул поводья, но усталый конь едва тронулся с места.

– Негоже возвращаться с пустыми руками, Дилан, – пробасил рядом сквозь свою густую бороду брат Рональд.

– Нужно дождаться разведчиков, иначе командору это не понравится.

– Пусть наш командор идет к черту, – отрезал Дилан, – я не думаю, что есть смысл ждать еще дольше. Наверняка все наши разведчики уже мертвы.

Брат Рональд вытаращил свои голубые глаза истинного норманна.

– Что ты такое говоришь? Грешно поминать хозяина преисподней. Да и командора нашего ты обижаешь напрасно.

– Думаешь, командор теперь позволит нам бездельничать? – сказал Дилан.

– Его стараниями мы все скоро познаем смерть, потому что весь этот упреждающий поход – затея неудачная, так мне, во всяком случае, кажется.

– И что же ты предлагаешь? – Спросил Рональд.

– Ничего, – ответил Дилан, – но я не желаю, чтобы нас поскорее разделали сарацинские сабли.

– Ну, и я, этого, разумеется, не хочу, я буду сражаться. И все мы будем сражаться, брат.

– Так, значит, ты намерен убить много сарацин? – Подначил норманна Дилан.

Громадный Рональд потряс в воздухе своим длинным рыцарским копьем:

– Буду стараться нанизать на мое доброе копье как можно больше неверных.

– А сколько их на твоё копье налезет? С десятков? – Усмехнулся Дилан.

– Может и с десятков, а может и больше, – кивнул норманн с серьезным видом. Но Дилан не изменил своего насмешливого тона:

– Но потом же тебя все равно убьют, дурья башка. Нас слишком мало против такой силы. Похоже, командор в этот раз действительно послал нас на смерть.

Они переглянулись, никто из них не хотел умирать. Чуть больше сотни рыцарей ордена Храма выступили на север – пятьдесят из Шато-Неф и семьдесят из Баниаса. Самый большой поход тамплиеров за последние два года.

Дилан и Рональд были посланы вперед, чтобы поскорее отыскать сира Эдварда де Руа и других пропавших разведчиков, а также выяснить, почему сарацинские крестьяне покидают свои деревни.

Разведчиков они пока не нашли, зато узнали, куда подевались крестьяне – те, чтобы не оказаться на поле боя, вышли навстречу наступающим исламским войскам. Пойманный старик сказал, что идет великая рать.

Лишь к вечеру один из пяти разведчиков, наконец-то, вернулся.

– Они движутся сюда, – прогнусавил легко вооруженный сержант-разведчик, прискакавший на небольшой черной лошадке. – Их ведет старый эмир Хамы. Я подкрался к их лагерю и заметил его возле главного шатра.

– Можешь сказать, сколько их там? – Спросил разведчика Дилан.

– Тысяч пять или даже больше. У эмира в авангарде всадников полтора ста, и все в тяжелых доспехах и с длинными пиками, – ответил разведчик, и глотнул воду из фляги.

Люди у костра переглянулись. Даже дюжину-другую тяжелых кавалеристов редко встретишь среди сарацин, а уж, чтобы сразу полторы сотни?

– Мы проехали вокруг в обход авангарда, – продолжал разведчик.

– Их колонне конца не видно.

– И они идут прямо на нас? – Спросил Дилан.

– Вот именно. – Нахмурился разведчик. – Эта дорога ведет к Баниасу. Думаю, они идут осаждать замок. Пора нам всем скакать обратно и укреплять оборону. Мне кажется, что против такого войска мы сейчас ничего сделать не сможем.

– И я про то говорю, – поддержал разведчика Дилан, – я даже думаю, что и в замке укрываться бесполезно: если они пойдут на приступ, то раздавят нас быстрее, чем подойдет помощь. А командор наш, по-моему, еще и атаковать надумал.

Во время обеденной трапезы в лагере Дилан вспомнил, как Кривой Жан, оруженосец командора, сира Гильома де Монтре, сказал утром, что ночью командор и офицеры совещались в главной палатке, а Жан подслушал. Сир Тандервиль и сир Колонедж придерживались мнения, что лучше укрепиться в замке и послать за помощью, но Отто Рауф и Ранульф де Нанд поддержали командора, согласившись с его предложением упреждающей атаки. Командор считает, что эмир не ждет, что встретит противника далеко к северу от замка, а все его огромное войско – просто недисциплинированный сарацинский сброд. Один хороший удар тяжелой кавалерии выбьет из них весь боевой дух, и они разбегутся, как уже бывало не один раз. Но что могут сто двадцать человек против тысяч! По мнению Дилана, атаковать было самоубийством.

Сержанты заголосили вдруг по всему лагерю:

– Братья Храма! Собирайтесь все к главному шатру!

Дилан, нахмурившись, доел свою корку хлеба и пошел вместе с остальными. Командор стоял возле шатра вместе с офицерами. «Вряд ли объявят что-нибудь приятное», – подумал Дилан, втиснувшись между другими тамплиерами из замка Шато-Неф. Когда собрались все, кроме часовых, командор откашлялся, прочистил горло и начал речь:

– Братья, воины Христовы! Сарацины выступили в поход. Они спустились с перевала и идут к замку Баниас. Разведчики полагают, что их авангард дойдет до нас завтра к обеду. Вместе с эмиром Хамы идут опытные бойцы, но в остальном войске их немного. Большей частью это войско плохо вооруженное и необученное. Они многочисленны, но весьма уязвимы. А главное, они не знают, что мы здесь их встретим. По крайней мере, я молюсь, чтобы наше выдвижение оставалось для неверных тайной.

«Да они наверняка уже давно все знают о каждом нашем чихе», – подумал Дилан. Это же ясно как день. Много разведчиков не вернулось. Значит, их, конечно же, пленили и допросили. А если сарацины взяли разведчиков живыми, то наверняка развязали им языки, это они умеют.

А командор продолжал:

– На рассвете мы выступим. Мы разделимся на два отряда и затаимся между холмов по обе стороны дороги. Когда авангард эмира уже подойдет к тому месту, где мы сейчас стоим, мы ударим. Сарацины растянулись, и мы сможем напасть на их незащищенную середину и сокрушить большую часть конных лучников, а затем мы нанесем удар с тыла по их авангарду, и обезглавим колонну. Потом они будут клясться, что нас не менее десяти тысяч. Мы нанесем страшный удар и уйдем к Баниасу, прежде чем остатки их латной конницы смогут нам ответить.

Среди собравшихся прошел ропот. Лейтенант Рауль де Нанд вышел вперед, и поддержал командора:

– Атабек Нур Эд Дин руками эмира Хамы собирается захватить наши пограничные замки, чтобы угрожать сердцу христианского королевства, но мы дадим атабеку славный бой.

– Если они пустятся за нами в погоню, – сказал командор, – мы сделаем вид, что отступаем, а сами будем заманивать их, окружать вырвавшихся вперед и уничтожать понемногу. В случае, если они дрогнут и побегут, быстрая победа нам обеспечена. Если не побегут, тогда

мы поскачем параллельно с ними и будем нападать на них до самого Баниаса, постоянно ослабляя их.

– Вы забыли, что их там тысячи, – подал голос кто-то из пожилых рыцарей.

– Мы все погибнем, – поддержал пожилого ратника молодой сир Дилан.

– А представляете, братья, сколько они по нам выпустят стрел, – выкрикнул кто-то еще.

– Да, наши потери будут немалыми, – громко сказал командор, – а возможно, мы все поляжем. Но, потому мы и носим свои белые плащи. Вспомните наш устав. Мы – братья ордена Храма, воины Господа. И меч, который принес Господь – это наш меч. Так не посраим же веру, братья!

– Не нам, не нам, но имени Твоему слава! – Откликнулось воинство, и в этом мощном кличе, как всегда, потонули отдельные возгласы недовольных.

Сир Гильом де Монтре обнажил и высоко поднял свой длинный меч.

– Да светит нам свет Господа вечно! – объявил командор, и этот клич подхватили все братья, в ответ отсалютовав оружием. Больше сотни клинков поднялось в воздух, и столько же потоков проревело:

– За Христа!

Дилану ничего не оставалось, кроме как присоединить свой голос к общему хору.

– А теперь помолимся, братья! – прозвучал новый призыв, и все опустились на колени.

В горячем воздухе чувствовалось дыхание пустыни, и горизонт выглядел серо-желтым. Дилан отошел подальше и, убедившись, что его никто не видит, прилег на каменистую землю в тени шатра. Его друзья из Шато-Неф молились вместе со всеми. Никто не думал о предательстве, кроме него. Слова молитв продолжали звучать еще долго. Наконец капеллан отпустил всех.

Момент выбора неумолимо приближался. Дилан смотрел на выгоревшее небо. Он поймал себя на том, что думает об арабке. Перед его мысленным взором стояло лицо Захиры. Он вспомнил, как год назад, будучи в плену, он рвал для нее цветы, как все утро с большим риском для себя собирал их в саду эмира. Он представил, как целует Захиру, как гладит ее смуглую кожу... Сердце у него колотилось все сильнее. Дилан старался заставить себя не думать о девушке, но мысли его все равно возвращались к арабке. Неужели же он, младший сын небогатого рыцаря, ставший в ряды бедных рыцарей Храма Соломонова не от хорошей жизни, сможет обладать такой красавицей? Но ведь сам эмир Хамы обещал ему эту девушку. Да и разве трудно эмиру подарить воину одну из тысяч своих рабынь? Разумеется, если только Дилан перейдет в ислам. А почему и не перейти? Говорят, что простые воины эмира живут лучше, чем бароны Иерусалимского Королевства. У каждого всадника десятки собственных коней, верблюдов и наложниц. Решено. Ближе к вечеру он поедет на разведку и перейдет на сторону мусульман.

Командор знал, что сарацинское войско движется медленно, бережет силы людей и коней для предстоящей битвы, и потому предполагал устроить засаду на мусульман лишь завтра на рассвете, хотя и знал, что достигнуть лагеря христиан сарацинская легкая кавалерия может всего за пару часов, если, конечно, перестанет жалеть лошадей. Но какой смысл эмиру вдруг пускать коней вскачь, если он все время ползет со своей армией как черепаха? Командор давно изучил тактику эмира: вряд ли тот станет рисковать. Еще днем командор отправил разведчиков, выставил передовые посты и постарался дать воинам хорошо отдохнуть перед боем.

Сир Гильом де Монтре спал уже часа два, когда оруженосец разбудил его:

– Тревога, сир!

Старик вскочил, едва подавив проклятие. Назойливый звук приближался со всех сторон. Ошибки быть не могло: то били сарацинские барабаны. Командор знал, что это значит: их лагерь окружен. Кто-то предупредил врагов и быстро провел их мимо передовых постов.

Предательство, не иначе! Оруженосец помог командору одеть доспехи. Взяв меч, старик вышел наружу. У шатров уже собрались все его люди.

– К оружию, братья, враг близко! – Властным голосом выкрикнул он команду, но команда явно запоздала: кони уже были оседланы, а оружие – обнажено. Сталь поблескивала под ясным ночным летним небом, усыпанным крупными звездами.

– Прорываемся в сторону Баниаса! – закричал командор, вскакивая в седло боевого коня. Тут же со всех сторон на лагерь посыпались стрелы. Заржали раненные лошади, заголосили люди. И вдруг, ночь прорезал звук трубы, а стрелы перестали лететь. Затем послышался голос какого-то франка, очутившегося, почему-то, среди мусульман:

– Храмовники, вы окружены! Сложите оружие и сдавайтесь, и тогда никому из вас не причинят вреда. Командор и несколько других рыцарей сразу же вспомнили, кому этот голос принадлежал.

– Дилан, ты заслужил смерть, предателей мы не прощаем! – Вскричал в гневе командор и сплюнул, весьма сожалея, что год назад лично выкупил из плена этого молодого рыцаря.

– В атаку! Во имя Христа! – Приказал старый воитель своим людям и, опустив копье, пришпорил коня.

– Бум-бурум, бум-бурум, бум-бурум, – заглушая приказ командора, ответили сарацинские барабаны.

Барабаны били и били, но ритм их нарушился, а звук стал слабеть, когда бронированная кавалерия христиан врезалась в ряды сарацинской легкой конницы, окружившей христианский лагерь. Эмир не ожидал от командора тамплиеров такой дерзости. Ночная атака тяжелой кавалерии почти никогда не применялась. Кони могли в любой момент оступить во тьме и сломать ноги. Но передние воины Храма уже вломились в ряды исламских воинов, сея смятение и смерть. Потеряв почти половину всадников, тамплиеры все же вырвались из смертельного кольца и устремились назад, туда, откуда пришли, – в сторону Баниаса. И все-таки эмир Хамы был доволен: благодаря предательству молодого тамплиера план христиан устроить ловушку удалось сорвать, и теперь путь на Баниас был свободен.

После многочисленных атак, в 1164 году, Баниас перешел в руки мусульман. Потеря Баниаса стала для крестоносцев роковой. «Потерян ключ, врата и защита для всего Иерусалимского королевства», – писал патриарх Иерусалимский.

Казнь изменника

Утро выдалось хорошим. Легкий ветерок с моря гнал несколько бледненьких облачков по безупречно-голубому летнему левантийскому небу. Тамплиеры ехали в одну из крепостей ордена. Их было девять человек, и Роберт ехал с ними, чтобы отпустить грехи приговоренному, в случае, если тот в последний момент раскается и пожелает возвратиться в лоно христианства. Впервые святые отцы ордена сочли молодого священника достаточно подготовленным, чтобы доверить ему отпустить грехи приговоренному перед казнью.

Над головами ветерок шевелил знамя в черно-белую шахматную клетку. Храмовники называли это знамя «Босеан» или «Пегая Лошадь». Ходила легенда для новичков, что лошадь основателя ордена Гуго де Пейна имела похожую масть, но Роберт уже знал, что в действительности обозначала расцветка знамени. Постоянное сражение Света и Тьмы, Добра и Зла – таков был истинный смысл этого символа.

Братья-рыцари, высокие и надменные, красиво ехали на больших боевых конях, а между ними покачивался Роберт на своем уродливом сером муле. Ничего не поделаешь – капеллану ордена был положен лишь мул. Двадцать семь лет недавно исполнилось Роберту, и пять из них он провел в ордене бедных рыцарей Храма Соломонова. Роберт держал спину прямой и пытался казаться старше своих лет, старательно изображая, что он давно уже потерял интерес к этому суетному миру, и что мысли его устремлены лишь к Господу. На самом же деле он всю дорогу вспоминал дочь барона, которая недавно так сладко искушала его...

Предателя взяли во время очередной вылазки мусульман, рядом с небольшим замком братства в горах, куда этот человек намеревался провести врагов по тайному подземному ходу, дабы застать тамплиеров врасплох. То не просто был предатель христианской веры, а хуже, ведь семь лет назад этот человек сам был братом ордена. И судить этого человека могли только уполномоченные представители братства. Роберт знал, что пойманный – перебежчик, принявший ислам и присягнувший своим мечом эмиру Хомса, Халеду Абу-Бекру. Воины эмира – не простые сарацины, а осевшие кочевники турки-сельджуки, народ жестокий, язычники, убийцы и работоторговцы. Они воевали не только против христиан Леванта, но и против правителей Каира и Дамаска. Говорили, что их женщины настолько уродливы, что всегда прячут лица под паранджой.

Наконец небольшой отряд въехал в замок. Запахи нечистот витали в нагретом воздухе. За высокими крепостными стенами слабенький ветерок едва чувствовался. Всадники спешились. Человек, прикованный железной цепью к стене в ожидании орденского правосудия, оказался еще достаточно молодым, полным сил и высоким. Он был одет в белое, как и подobaет брату-тамплиеру. Только вот орденских крестов не было на его одежде, а плащ был весь выпачкан. Пожилой командор велел отковать цепь от стены и подвести пленника к судьям.

Командор пристально смотрел на предателя. Длинные волосы командора спадали вдоль его щек и переходили в седую бороду, делая лицо пожилого рыцаря еще длиннее. Он выглядел значительно старше своих пятидесяти лет. Синие глаза командора взирали жестко, сейчас он совсем не был похож на доброго ветерана, терпеливо рассказывающего молодым братьям ордена об особенностях службы. Командор казался свирепым и страшным воплощением гнева Господня.

– Господь милосерден, он прощает почти всех, но Иуду Он не простил, – прозвучали в тишине слова командора.

Суд над предателем начался. Как удары бичей звучали вопросы трех рыцарей-судей, и не было внятных ответов на них. Речь шла о том, какие блага получил перебежчик за свое предательство от эмира Хомса. Но все эти вопросы уже не имели значения, ибо участь

обвиняемого была predetermined: решение по его делу приняли еще на капитуле. Наконец, когда приговор был зачитан, командор спросил приговоренного:

– Раскаиваешься ли ты в своих деяниях перед смертью и признаешь ли Иисуса Христа Господом?

– Нет, – сказал приговоренный, гордо подняв голову, – я не раскаиваюсь и умру с именем Аллаха.

– Но почему? – не выдержал командор и спросил то, что хотели бы спросить у приговоренного все присутствующие.

– Потому что вы, христиане, живете как собаки, а я изведаль жизнь настоящую. У меня было четыре жены, я оставил пятерых наследников, у меня был прекрасный дом с садом, и я не жалею, что принял ислам, – сказал предатель.

– Раз так, то место твое в аду, вероотступник, – проговорил командор, и лицо его побледнело от праведного гнева. Он отдал приказ, и двое дюжих сержантов в черных одеяниях потащили обвиненного к плахе, поставленной посередине крепостного двора. Плечи и голову приговоренного опустили на твердую древесную поверхность. Палач поднял меч, и металл заискрился на солнце.

То был специальный клинок для казней – острейший меч из дамасской стали. Ведь нет в мире стали лучше дамасской, и только толедский дамаскин может сравниться с ней. Клинок на полутраручной рукояти был длинным, широким и очень тяжелым, вдоль всего лезвия шел тройной дол. Звали клинок Кровавое Солнце, ибо сталь его, сверкая, отливала красным. Изготовление этого меча специально для казней рыцарей ордена Храма магистр заказывал через своего эmissара в Дамаске у одного из лучших мастеров Сирии. А ковали клинок три года.

Наконец одним резким ударом палач снес преступнику голову. Тело несколько раз дернулось в руках сержантов и затихло. Песок вокруг плахи быстро впитывал кровь. Все закончилось. Услуги священника казненному так и не понадобились.

Убийство в замке

Королеву Марию разбудил посреди ночи какой-то шум, какие-то крики из внутреннего двора, что находился прямо под окнами резиденции. Ей показалось, будто она слышала звон оружия. Встревоженная, королева еще не оделась, когда вошла ее доверенная монахиня из ордена кармелиток и сообщила, что в замке произошло убийство. Следом за монахиней явился капитан гвардии и доложил, что на замок напали ассасины, и один из часовых погиб.

В сопровождении монахини и капитана Мария де Монферрат вышла в тронный зал, где она во время приемов восседала на резном троне из ливанского кедра. После смерти матери и ее четвертого мужа, короля Амори II, в 1205 году Мария была провозглашена королевой Иерусалима. Но Иерусалим давно был потерян, и потому Мария правила остатками христианских земель Леванта из дворца своего отца в Тире. Она стала королевой в тринадцать лет, но, поскольку была несовершеннолетней, регентом королевства Совет Баронов назначил бальи Жана I д'Ибелина, сеньора Бейрута, ее дядю по матери. Дядя уже несколько месяцев находился на Кипре, собирая новую армию и улаживая дипломатические вопросы внешней политики, и потому вся ответственность королевского правления лежала на Марии.

За окнами стояла глубокая ночь. Неверный отсвет факелов дрожал на стенах, зловещие тени плясали повсюду. Мария слышала, как ее рыцари, позвякивая доспехами и оружием, идут по коридору, ведущему в королевские покои. Равномерный звук шагов отзывался эхом в ночной тишине среди мраморных колонн зала, стрельчатых арок потолка и узких оконных проемов.

Старый сир Мердок, рыцарь, преданный ее дяде, появился в дверях первым, с факелом в руке. Его синий плащ украшали вышитые золотом кресты. За ним следовали четверо оруженосцев, неся на плечах мертвое тело. Воины положили мертвеца к ее ногам. Капитан сир Роберт поднял с лица погибшего окровавленную белую ткань савана. Старый Мердок поднес факел ближе, чтобы она могла рассмотреть убитого. Он был молодым, высоким, светловолосым, с умным длинным лицом. Уроженец севера. Его глаза были закрыты, а из страшных ран на шее еще сочилась кровь. Кольчуга не спасла его. Кинжальных ран было всего две, но обе смертельные.

– Моя королева, – прошептала пожилая монахиня ордена кармелиток, матушка Бертрана, прямо ей в ухо, – вы не должны рассматривать мертвецов. Это не слишком приятное зрелище.

– Этот человек умер за меня, – произнесла Мария негромко, но решительно и стиснула на груди пушистую горностаевую мантию. Под ней лишь легкая ночная сорочка прикрывала ее стройное юное тело. Ей снился отец, когда монахиня разбудила ее. Это не просто убийство. Еще один человек пал жертвой очередного покушения на ее жизнь. Ассасины, возможно, все еще таились в темных закоулках крепости.

– Ваше Величество, – сказал сир Роберт, – благодаря мужеству этого воина, сира Эндрю д'Оро, убийцы настигнуты. Он немного задержал их и поднял тревогу, но ассасины не дались живыми...

– Обыщите каждый угол, возможно, это не все убийцы, – Мария уже знала, как это происходит. Старец Горы посылает убийц по несколько пар. Они уже не однажды устраивали резню в ее городе, и вот теперь осмелились проникнуть в сам замок.

– Почему этот рыцарь был один? У него не было напарника? – По ее приказу, ночные патрули всегда комплектовались не менее, чем по два человека.

– Моя королева, – ответил капитан, – сир д'Оро стоял на страже во внутреннем дворе, у часовни. Там раньше всегда было безопасно.

Ей хотелось заплакать, но все знали, что дочь великого Конрада Монферрата не плачет никогда.

- Эндрю д'Оро, так его звали? Откуда он? – сказала она без слез, хотя голос ее дрогнул.
- Он датчанин, был датчанином, моя королева. – Произнес сир Роберт.
- У него была семья? – спросила Мария.
- Нет, Ваше Величество. Он был одинок, – ответил капитан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.